

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 1, Pp. 29–42, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

Роль имперских органов власти в процессе выборов мусульманского духовенства в общинах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Елена Александровна Шершнева¹

¹ Алтайский государственный университет (д. 61, пр. Ленина, 656049 Барнаул, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-6766-6438. E-mail: D2703[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шершнева Е. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена проблеме положения мусульманского духовенства Енисейской губернии (Восточная Сибирь) в контексте государственно-конфессиональной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX в. Автор обращает внимание на то, что во второй половине XIX в. на территории Енисейской губернии увеличивается численность мусульманского населения, которое испытывает нужду в удовлетворении духовных потребностей. *Целью* данной статьи является изучение роли органов государственной власти в процессе выборов мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи, и архивные материалы, представленные в фондах Государственного архива Красноярского края, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, а также Российского государственного исторического архива. Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые. Статья подготовлена на основе методологических принципов объективности и историзма, что позволило наиболее полно оценить роль государства в формировании института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Для решения поставленных задач в работе использовались проблемно-хронологический и историко-генетический методы. *Результаты.* В связи с исторической особенностью формирования социального состава региона перед общинами встала проблема выбора лиц духовного звания. Ссылная часть мусульманского населения Енисейской губернии, согласно законодательству Российской империи, была лишена права участия в выборах духовенства. Однако не всегда правоспособная часть мусульманской общины оказывалась в большинстве. Придание мусульманскому духовенству особого статуса, позволявшего выстраивать взаимоотношения между общиной и государственными органами, приводил к конфликтам внутри общины. Представители мусульманской уммы региона видели в мулле

человека, способного лоббировать их интересы, в том числе и на государственном уровне. Анализ архивных материалов позволил судить об отсутствии четких представлений со стороны губернских властей относительно организации процедуры выборов мусульманского духовенства. Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь по своей сути органом государственной власти, активно следило за благонадежностью утверждаемых кандидатов в регионах. В начале XX в. на лиц, желающих получить духовное звание, накладывалось еще больше ограничений, что закреплялось циркулярными распоряжениями МВД.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, ислам, мусульмане, мулла, государственно-конфессиональная политика, мусульманское духовенство

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117, <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>).

Для цитирования: Шершнева Е. А. Роль имперских органов власти в процессе выборов мусульманского духовенства в общинах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 29–42. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

The Role of Imperial Authorities in Electing Muslim Clerics across Yenisei Governorate, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries

Elena A. Shershneva¹

¹ Altai State University (61, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

0000-0001-6766-6438. E-mail: D2703[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Shershneva E. A., 2024

Abstract. Introduction. The article discusses some actual conditions experienced by Muslim clerics of Yenisei Governorate (Eastern Siberia) in the context of Imperial Russia's religious policies throughout the mid-nineteenth to early twentieth centuries. Attention is drawn to that the mid-to-late nineteenth century witnessed a Muslim population increase across the region, which implied that increased spiritual needs be duly satisfied. *Goals.* The article aims at specifying the role of official authorities in electing Muslim clerics within Yenisei Governorate. *Materials and methods.* The study focuses on corresponding imperially approved regulations for Muslim clergy and archival materials housed at the State Archive of Krasnoyarsk Krai, Central State Historical Archive of Bashkortostan, and Russian State Historical Archive. It is noteworthy that quite a number of the archival materials are being newly introduced into scientific circulation. The work rests on the methodological principles of objectivity and historicism that prove instrumental in assessing the government's role in shaping the institution of Muslim clergy in Yenisei Governorate. To accomplish this, the chronological and historic-genetic methods are used. *Results.* The region's sociohistorical agenda made any elections of required clerics somewhat problematic. The imperial statutes banned exiled (relocated) believers from participating in such processes, but sometimes legally capable members of a community were even fewer than the former. The obtained status of a mediator between the *mahalla* and government agencies would, inter alia, give rise to internal controversies. However, believers tended to perceive their *mullah* as a defender of their interests even at the government level. Our insights into archival materials attest to governorate-level executives had no clear understanding of how to arrange elections of Muslim clerics. Virtually being a government-sanctioned body, Orenburg Mohammedan Assembly would take pains to guarantee trustworthiness of to be appointed candidates. In the early twentieth century, such applicants would face even more restrictions enshrined by regulations and procedures of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: Siberia, Yenisei Governorate, Islam, Muslims, mullah, religious policies, Muslim clergy

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00117 'Impacts of the Russian Empire's Acculturation Policies and the Soviet Government-Church Relations Agenda on Religious Communities in Border Regions and Ethnic Autonomies of Asiatic Russia'. Available at: <https://rscf.ru/project/23-18-00117/>.

For citation: Shershneva E. A. The Role of Imperial Authorities in Electing Muslim Clerics across Yenisei Governorate, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 29–42. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-29-42

1. Введение

Ко второй половине XIX в. правительство Российской империи выстроило достаточно четкую иерархическую систему взаимоотношений со всеми конфессиями. Положение религии определялось ее политическим значением в жизни народов страны. Особое место в этой иерархии занимал ислам, который относился к разряду «терпимых» вероисповеданий. Несмотря на свое положение, представители данной религии не могли вести миссионерскую деятельность среди христианского населения, а сами последователи данного вероисповедания находились под пристальным контролем со стороны государственных органов. Особого внимания заслуживает институт мусульманского духовенства, так как на него были возложены обязанности не только по удовлетворению духовных потребностей его прихожан, но также по решению вопросов интеграции мусульман в правовое пространство Российской империи. В отечественной историографии в последние годы уделяется особое внимание не только проблемам формирования центрального духовного института управления мусульманскими приходами, но и правовому статусу представителей мусульманского духовенства в губерниях Российской империи [Денисов 2012а: 142–147; Бакиева 2011: 12–27; Мавлютова 2018: 175–183; и др.].

Несмотря на такое пристальное внимание со стороны исследователей к институту мусульманского духовенства, вопрос организации мусульманских приходов, а также выбора при них духовных лиц на окраинах российского государства, в том числе в Восточной Сибири, остается малоизученным [Павлинова, Старостин, Ярков 2018; Старостин, Ярков 2020].

Значительный научный интерес в этом плане представляет Енисейская губерния,

имеющая особый административно-территориальный и правовой статус в Российском государстве. Целью данной статьи является изучение роли органов государственной власти в процессе выборов мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Исходя из поставленной цели, перед нами стояли следующие задачи: выявить общие тенденции в регулировании правового положения мусульманского духовенства на территории Российской империи; установить, как правовой статус населения Енисейской губернии влиял на формирование института мусульманского духовенства; охарактеризовать, как вмешательство государственных органов в процедуру назначения духовных лиц влияло на правовое и духовно-нравственное состояние мусульманских общин на территории Енисейской губернии.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи, и архивные материалы, представленные в фондах Государственного архива Красноярского края (ГА КК), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ), а также Российского государственного исторического архива (РГИА). Важно отметить, что многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Данная статья подготовлена с применением методологических принципов объективности и историзма. Применение данных теоретических принципов позволяет наиболее полно оценить роль государства в формировании института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии. Для решения поставленных задач в работе

использовались проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Использование предложенных методов позволило детально рассмотреть проблему сложения института мусульманского духовенства на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Роль государства в формировании института мусульманского духовенства в Российской империи

Правительство не могло игнорировать нужды достаточно значительной группы подданных Российской империи, которые исповедовали ислам. В процессе расширения территориальных границ в состав Российской империи включались регионы, в которых компактно проживало население, исповедующее исламскую религиозную традицию. Одним из способов воздействия на мусульманское население страны со стороны имперской власти стало создание централизованного института духовного управления, аналогичного христианской церковной организации [Сафонов 2006: 34].

Начиная с правления Екатерины II, в Российской империи наметился курс на покровительство мусульманским народам и исламскому духовенству. В 1788 г. было создано Оренбургское магометанское духовное собрание, которому суждено было стать органом, регламентирующим деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи [Керимов 2010: 261]. Кроме того, в обязанности Оренбургского магометанского духовного собрания входило представление интересов мусульманской уммы страны в органах государственной власти. Основными функциями Оренбургского магометанского духовного собрания, а вместе с ним и мусульманского духовенства, были обязанности по ведению метрических книг, сбору податей, ведению судебных дел по законам шариата, а также наблюдение за благонадежностью мусульманского населения [Махмутов 2021: 65]. Задачей Оренбургского магометанского духовного собрания также являлось решение возникавших споров с мечетным духовенством и содействие в выстраивании правовых отношений между органами государственной власти и мусульманской уммой [Юнусова 2011: 29].

Однако следует отметить, что Оренбургское магометанское духовное собрание

являлось, в первую очередь, государственным органом, основной задачей которого был контроль за мечетным духовенством и проведение в жизнь различных постановлений правительственных структур. С целью наиболее пристального контроля за мусульманским духовенством Оренбургским магометанским духовным собранием была разработана программа экзамена на каждую из должностей мусульманского духовенства. По результатам экзамена кандидату выдавалось свидетельство на духовное звание. В случае, если экзаменовка кандидата была инициирована губернскими органами, то Оренбургское магометанское духовное собрание сообщало им о результатах экзамена [Денисов 2012а: 142–143]. При этом следует отметить, что сам термин «мусульманское духовенство» — весьма условный, так как в исламской традиции нет понятия духовного сословия. В состав мусульманских духовных лиц входили не только служители культа, но и знатоки мусульманского права и богословия, руководители мусульманских общин и т. д. [Усманова, Михайлов 2014: 43].

4. Выборы муллы как инструмент легализации правового статуса мусульманской общины в Енисейской губернии

Изучая историю мусульманских общин в Российской империи и в конкретных ее регионах, очень сложно избежать темы положения мусульманского духовенства. Именно мусульманские муллы оказывали огромное влияние на представителей исламской традиции, а также способствовали выстраиванию отношений исламского института с органами государственной власти. Само понятие «ислам» выходит за рамки простого религиозно-этического учения. Он представляет собой особую культуру, цивилизацию и образ жизни исповедующих его людей. Особый интерес с точки зрения изучения положения мусульманского духовенства в Российской империи занимает Енисейская губерния, расположенная в Восточной Сибири. Связано это, прежде всего, с тем, что территория Енисейской губернии принадлежала к «местам отдаленным», и представители исламской традиции преимущественно относились здесь к категории ссылокаторжных. Лишь после отмены крепостного права в 1861 г. на территории Енисейской губернии начинают появляться

поселенцы, которые переселялись на территорию Сибири с целью улучшения своего материального благосостояния [Старостин, Павлинова 2016: 63–64; Павлинова, Старостин, Ярков 2018: 176].

Увеличение численности мусульманского населения в Енисейской губернии во второй половине XIX в. потребовало от государственных органов, а также Оренбургского магометанского духовного собрания, решения их духовных нужд. Мусульманам, проживавшим в регионе, требовались культовые здания и духовенство, которое бы могло удовлетворять их духовные и социальные потребности. Мусульманское население Енисейской губернии испытывало нехватку в служителях культа и использовало любую возможность для утверждения духовного лица при своих общинах. Мусульмане г. Енисейска обращались к министру внутренних дел с просьбой получить разрешение назначить к ним на приход ссыльного муллу [Христианское просвещение 2012: 201–203].

Оренбургское магометанское духовное собрание, являясь по своей сути государственным органом, очень пристально следило за вопросами открытия мусульманских приходов и назначением духовенства на подконтрольной ему территории. В мае 1865 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание поступило прошение от татарина Нижегородской губернии, проживавшего в г. Енисейске, о разрешении построить мечеть и утвердить при ней имама. Свое прошение он обосновал тем, что в городе проживало около 2 000 верующих, исповадовавших ислам. Оренбургское магометанское духовное собрание дало заключение о необходимости предоставления всех бумаг от местного начальства, подтверждавших наличие средств на строительство мечети и содержание при ней лица духовного звания. Только после предоставления сведений от местного начальства Оренбургское магометанское духовное собрание гарантировало рассмотрение данной просьбы [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087. Л. 1–2, 6–7].

Потребность в строительстве культовых зданий и наличие лиц духовного звания при них объяснялись тем, что религия являлась одним из важнейших средств идентификации народа, исповедующего ислам. К тому же мусульмане, проживавшие в поликон-

фессиональном и полиэтничном активно осваиваемом регионе, где степень интеграции населения была крайне высокой, стремились к сохранению своей культурной и религиозной традиции. Для мусульман мечеть не только являлась центром религиозной жизни, но и выполняла функцию социальной адаптации населения в регионе. В связи с этим в Енисейской губернии к началу XX в. насчитывалось 13 мечетей, так как в данном регионе со второй половины XIX в. постепенно увеличивалась численность верующих, исповадовавших ислам [Старостин, Павлинова 2016: 65].

Увеличение числа мечетей, а вместе с тем и духовенства в регионе, обусловлено появлением именно категории поселенцев, так как данные о наличии мечетей в Енисейской губернии в период 1856–1868 гг. отсутствуют [Загидуллин 2007: 407–408]. К тому же следует отметить, что получение разрешения на строительство мечети придавало официальный статус мусульманской общине [Мавлютова 2021: 208]. При этом Оренбургское магометанское духовное собрание было крайне осторожно в вопросах предоставления разрешений на строительство культовых зданий. Очень часто оно ориентировалось на предоставленные губернскими органами сведения, которые зачастую не учитывали географических особенностей расселения мусульманского населения в Сибирском регионе [Дашковский, Шершнева 2020а: 252].

Основными задачами мусульманского духовенства были руководство общиной единоверцев, а также сохранение и передача религиозных знаний. Однако постепенно мусульманское духовенство начинало выполнять функции государственного характера. В их обязанности вводилось ведение метрических книг. Кроме того, они наделялись судебными и нотариальными функциями [Мавлютова 2018: 178–179].

14 мая 1874 г. Государственным советом была возложена на приходских имамов обязанность по ведению первичного воинского учета [ПСЗ РИ 1876: 770–771]. Муллы должны были вести метрические книги и предоставлять необходимые сведения в губернские органы [Денисов 2012б: 92].

С расширением полномочий мусульманского духовенства население, исповадовавшее ислам, еще больше испытывало

потребность в наличии духовного лица, так как это позволяло общине приобрести официальный статус.

Так, в апреле 1915 г. в Енисейское губернское управление от канских мещан, исповедующих ислам, было направлено прошение, в котором они просили утвердить у них муллу, избранного решением крестьян Канско-Переводинского поселения, несмотря на то, что не все они относились к г. Канску, но имели там домовладения. К тому же, как они сообщали, насчитывалось их в общей сложности 80 человек обоего пола [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 1–3об.].

Всего же в Канском уезде проживало более 1 000 человек, исповедовавших ислам, а муллы, который бы исполнял духовные потребности мусульман, не было. Потребность в мулле просители объясняли не только исполнением религиозных треб, но и ведением метрических книг. На момент подачи прошения в Канском уезде никто метрические книги не вел, что приводило к множеству неточностей при составлении посемейных списков. В связи со всеми вышеизложенными обстоятельствами община мусульман г. Канска просила утвердить избранного Канско-Переводинской общиной мусульман в должности приходского муллы тептяр¹ Самарской губернии Габдулбария Мухаметзакирова и считать его Канско-Переводинским приходским и Канским городским общественным муллой. Со своей стороны, мещане отметили, что Габдулбария Мухаметзакиров является достойным человеком и имеет все необходимые документы для занятия данной должности [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 1–3 об.].

Аналогичное прошение последовало от временно проживавших в селе Канско-Переводинском мусульман, не принадлежавших к местному крестьянскому обществу. В своем обращении к Анцирскому волостному старшине они указывали, что, несмотря на то, что не могут участвовать в выборах муллы, просят передать их ходатайство в Енисейское губернское управление вместе с общественным приговором мусульман села Канско-Переводинского. В своем ходатайстве они указывали, что в их селе проживает «более 100 душ», которые также нуждаются не только в отправлении религиозных обря-

дов, но и лишены гражданских прав из-за отсутствия муллы [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 6–7].

Несмотря на единство среди самого мусульманского общества, в ходатайстве им было отказано. Согласно ст. 1393 и 1431 Устава Духовных дел иностранных исповеданий, мусульманский священнослужитель может назначаться только в мечеть. Однако в селе Канско-Переводинском ее не было, как и ходатайства о ее постройке. Кроме того, было направлено распоряжение Енисейского губернского управления Канскому уездному исправнику об извещении просителей, что на основании ст. 1433 Устава Духовных дел иностранных исповеданий в выборах муллы не могут участвовать лица, не принадлежавшие к избираемому обществу. На основании этого все ходатайства временно проживающих в селе Канско-Переводинском мусульман были отклонены [ГА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1012. Л. 12–13об., 18–18об.; Свод законов 1912: 132–133, 136].

Несмотря на то, что енисейское мусульманское приходское духовенство полностью подчинялось Оренбургскому магометанскому духовному собранию и избиралось на сходе прихожан, власти стремились контролировать данный процесс. К выборам духовного лица мусульманского вероисповедания в регионах, в том числе в Восточной Сибири, привлекались губернские органы власти и полицейское управление [Бакиева 2011: 15–16]. Данный факт подтверждается, например, тем, что в 1881 г. Енисейским губернским правлением сообщалось в Оренбургское магометанское духовное собрание о передаче губернатором прошения крестьян из казаков д. Преображенской Покровской волости Ачинского округа об избрании отставного казака М. Ахмарова на должность муллы. Полицейское управление, также участвовавшее в утверждении на духовные должности лиц мусульманского исповедания, предоставило сведения об отсутствии судимости кандидата М. Ахмарова и охарактеризовало его как лицо благонадежное. Опираясь на принятые законодательные нормы, прошение казаков было направлено губернским правлением в Оренбургское магометанское духовное собрание, от которого в дальнейшем должно было поступить распоряжение [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 2–3].

¹ Тептяри — субэтническая группа поволжско-приуральских татар.

Следует отметить, что данный процесс был достаточно длительным. В результате переписки только в 1887 г. Оренбургское магометанское духовное собрание потребовало от губернских властей направить имама деревни Преображенской для испытания в знаниях мусульманской веры [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 13].

Процесс назначения священнослужителя на должность был длительным и зачастую побуждал членов общины самостоятельно назначать для исполнения треб мулл, которые должны были утверждаться, согласно государственному закону, в своей должности значительно позже. Такие действия со стороны представителей мусульманской общины впоследствии приводили к конфликтам как среди духовенства, так и самих общинников [Дашковский, Шершнева 2020б: 49].

5. Проблема выбора духовного лица в мусульманских приходах Енисейской губернии

Внутри мусульманских общин также не всегда наблюдалось единство в выборе духовного лица. Так как служба мусульманского духовенства полностью обеспечивалась самим населением, то оно становилось зависимым от своих прихожан. В этой связи каждая мусульманская община стремилась выдвинуть свою кандидатуру для утверждения ее в должности приходского священнослужителя. В 1880 г. мусульманская община г. Ачинска обратилась в губернское правление с просьбой назначить им исполняющего должность муллы. Свое прошение верующие объясняли тем, что их насчитывается «около 100 душ мусульманского вероисповедания», проживавших в г. Ачинске и нуждавшихся в отправлении религиозных обрядов. В своем прошении они указывали, что в качестве исполняющего должность муллы они хотят видеть поселенца Минусинского округа Енисейской губернии М. Валиулова, которого они избрали на общем собрании. При этом подчеркивалось, что данный кандидат на должность получил хорошее образование в Казанском магометанском училище. В результате переписки с губернским начальством мусульманская община г. Ачинска указывала, что в 1884 г. у верующих возник конфликт с муллой д. Преображенской М. Ахмаровым, кото-

рый получил разрешение от Оренбургского магометанского духовного собрания совершать религиозные обряды и начал притеснять М. Валиулова. В результате сложившегося конфликта между двумя духовными лицами молитвенный дом в г. Ачинске по распоряжению губернского правления был закрыт. Только в 1886 г. после телеграммы общины генерал-губернатор Восточной Сибири распорядился возобновить деятельность молитвенного дома. При этом сама община г. Ачинска подала прошение на имя Императора о разрешении исполнять должность муллы при данном молитвенном доме М. Валиулову. Нежелание общины принять в качестве своего духовного лидера Ахмарова верующими объяснялось его неграмотностью, а также тем, что он жил далеко от г. Ачинска — в 16 верстах. Соответственно, такая удаленность от места службы существенно могла затруднять ежедневное исполнение треб [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 18–21].

С целью предотвращения различного рода конфликтов между приходским мусульманским духовенством, а также между представителями общины — с духовным лицом имперские органы власти и Оренбургское магометанское духовное собрание стремились допускать на должности духовенства лиц, обладающих высокими нравственными качествами и определенными знаниями в области богословия и права [Мавлютова 2018: 180].

В 1886 г. Оренбургским магометанским духовным собранием было принято решение о том, что все избираемые на духовные должности должны представить в Оренбургское магометанское духовное собрание лично или с общественным приговором удостоверение от своего мудариса или учителя о пройденных ими науках и сведения о поведении будущего духовного лица. В свою очередь Оренбургское магометанское духовное собрание обратилось в Енисейское губернское правление с просьбой уведомить о данном распоряжении проживавших в губернии мусульман [ГА КК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1405. Л. 1].

Ко второй половине XIX в. в Российской империи мусульманское духовенство находилось под пристальным вниманием правительства, а его деятельность была полностью регламентирована. В Оренбургском

магометанском духовном собрании вводилась процедура экзаменовки духовного лица, а затем утверждение его губернскими властями. Регламентация процедуры избрания и утверждения духовного лица в его должности иногда затягивалась на месяцы, а то и годы [Дашковский, Шершнева 2020б: 42–51].

Длительность процедуры официального утверждения мусульманского духовенства в их должностях привела к тому, что представители общин самостоятельно обращались в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбами о проведении для них испытаний в знании учения и культовой практики ислама. В своих обращениях они указывали на то, что давно избраны приходом на духовную должность и исполняют свои обязанности. Однако в результате рассмотрения поданных обращений выяснялось, что такие заявления часто не имели под собой реального основания. В связи со сложившейся ситуацией 29 мая 1890 г. муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания обратился в Енисейское губернское правление с просьбой об оказании содействия в наведении порядка в процессе назначения на духовные должности лиц мусульманского вероисповедания. Муфтий просил губернское правление направлять без всяких задержек общественные приговоры о выборе духовного лица, если таковые правильно составлены, а вместе с ними переслать и требования об испытании выбранных лиц в знании правил мусульманской религии. Было также принято решение, что по личным просьбам никто допускаться до испытаний не будет [ГА КК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282. Л. 1].

Несмотря на принятый Оренбургским магометанским духовным собранием запрет выдавать свидетельства в присвоении духовной должности без губернских предписаний и общественного приговора, по-прежнему находились желающие пройти экзамен и получить свидетельства на духовную должность. Так, например, в 1906 г. в Оренбургское магометанское духовное собрание обратился крестьянин Халиканского уезда, проживавший в г. Ачинске Енисейской губернии, который просил подвергнуть его испытанию в знании мусульманской веры и выдать ему об этом свидетельство [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 5. Д. 3386. Л. 1–2].

Проверка на знания мусульманской религии и выдача свидетельства не давала полного права занимать духовную должность. Так, в 1908 г. Ачинским мещанином Ю. Демикамовым было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание об экзаменовании его на должность священнослужителя. На основании ст. 1424 Свода законов Российской империи, т. XI изд. 1898 г. Ю. Демикамов прошел испытание, и было установлено, что он может выполнять обязанности имама-хатыпа и мудариса [Свод законов 1912: 1424]. Оренбургским магометанским духовным собранием было решено выдать ему соответствующее свидетельство. Однако данный документ не предоставлял ему право исполнять духовные обязанности до утверждения его в духовном звании губернским начальством в выбранный приход на основании общественного приговора [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 5. Д. 4849. Л. 4].

В большинстве случаев мусульмане стремились соблюсти всю процедуру назначения духовного лица, опираясь на решения официальных органов государственной власти. В то же время встречались случаи, когда муллы находились в приходах без установленной законодательством выборной процедуры. Данная проблема особенно остро касалась мусульманских общин Сибири, так как в них иногда возникала проблема выдвижения кандидатуры, которая соответствовала бы всем заявленным со стороны государства требованиям. В связи с этим некоторые муллы избирались самой общиной и действовали на основании одобрения местных властей, но без официального указа от Оренбургского магометанского духовного собрания. Такие муллы получили статус «неуказных». Встречались также случаи передачи должности муллы по наследству, когда еще не утвержденные в должности родственники умершего «указного» священнослужителя начинали исполнять требы. Как правило, такое решение принимала сама мусульманская община [Старостин, Ярков 2020: 14].

Несмотря на то, что мусульманское духовенство могло иногда исполнять свои обязанности, не имея на то соответствующего разрешения от Оренбургского магометанского духовного собрания, все общины стремились к получению официального ста-

туса своего духовенства. В 1895 г. в г. Енисейске встал вопрос о выборе указного муллы при молитвенном доме. В Енисейское губернское правление было направлено прошение временно исполняющего должность имама — крестьянина Казанской губернии А. С. Тазетдинова. В своем прошении он указывал, что данные обязанности были возложены на него на основании рапорта Полицейского окружного управления о смерти Енисейского имама до проведения собрания об избрании нового священнослужителя. По итогам собрания он был избран большинством голосов. Однако часть общины отказалась подписывать данный приговор. Кроме того, за часть представителей общины подписи поставили грамотные доверители. По результатам проведенных выборов было составлено два общественных приговора. 20 октября 1895 г. был составлен общественный приговор, в котором говорилось о ревностном и достойном выполнении А. С. Тазетдиновым своих должностных обязанностей. В связи с этим рекомендовалось выдать ему этот приговор с целью передачи в соответствующие органы для утверждения его имамом молитвенного дома. Однако не желающие иметь его муллой составили другой приговор [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 557. Л. 7–8об., 10].

Одной из основных проблем, с которой сталкивались мусульманские общины Енисейской губернии при выборе духовного лица, являлось то, что не все члены общины имели право на основании законодательства Российской империи принимать участие в выборах. Лишенная такого права часть общины очень часто выступала против выбранного муллы, желая видеть на этой должности более близкого им единоверца. Такая ситуация сложилась при выборе муллы в г. Енисейске. В 1895 г. Енисейским губернатором была направлена в Департамент духовных дел иностранных исповеданий телеграмма от крестьян г. Енисейска, в которой они просили разрешить им участвовать в выборах имама местного мусульманского общества. Енисейское губернское правление при рассмотрении данной телеграммы установило, что на основании Устава о ссыльных в участии в выборах им следует отказать. О данном факте сообщалось через окружное полицейское управление просителям. Кроме того, губернские

власти направили в Департамент духовных дел иностранных исповеданий уведомление с изложением всех требований и принятого ими решения [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 677. Л. 175–175об.].

Следует отметить, что и сами органы государственной власти, задействованные в выборах мусульманского духовенства, не разбирались в тонкостях данной процедуры. В 1896 г. в Енисейское губернское правление поступил рапорт от окружного полицейского управления, в котором сообщалось, как произвести выборы имама для молитвенного дома. В рапорте указывалось, что в организации процедуры выборов следует руководствоваться ст. 1245 и 1247 ч. I XI т. Устава иностранных исповеданий, изданного в 1857 г. Однако полицейское управление столкнулось с проблемой определения, кто имеет право участвовать в этих выборах. Данная сложность возникла по той причине, что мещане, которые, согласно нормативно-правовым документам, должны были принимать участие в выборах, составляли лишь незначительную часть прихода. В то же время сообщалось, что, исходя из ст. 1069 Устава иностранных исповеданий, могут быть допущены к выборам и представители купечества, и крестьянского сословия, которые приписаны к другим губерниям, но много лет проживали в г. Енисейске и посещали данный молитвенный дом. Аналогичный вопрос стоял и относительно крестьян, которые принадлежали к волостям Енисейского округа, но не имели там молитвенных домов, а входили в состав приходской общины молитвенного дома. В связи с возникшими затруднениями Енисейское окружное полицейское управление просило губернское правление дать разъяснение, кого следует допускать до выборов [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–1об.].

Следует отметить, что такие сложности, возникшие при выборе духовного лица при мечети в г. Енисейске, не были единичными случаями. К тому же каждый член мусульманской общины хотел принять участие в выборах муллы, чтобы продемонстрировать свою позицию и укрепить свое положение как полноправного члена мусульманского прихода. В связи с этим доверенным от мусульманского прихода было подано прошение в Енисейское губернское правление с просьбой разрешить всем членам мусуль-

манского прихода участвовать в выборах имама, так как, если следовать требованиям полицейского управления, в выборах могут принять участие только 6 мещан, приписанных к г. Енисейску. Енисейское губернское правление дало резолюцию от 20 января 1896 г. о дозволении принимать участие в выборах имама всем мусульманским старейшинам, являвшимся прихожанами молитвенного дома. Согласно принятым распоряжениям, до выборов не допускались только ссыльные. В связи с этим имам А. С. Тазитдинов обратился с телеграммой в Енисейское губернское правление с просьбой допустить ссыльных до выборов имама либо отложить их, так как многие члены мусульманской общины, имевшие право принять участие в выборах из г. Енисейска в установленные сроки, находились на промыслах, и участвовать в выборах было практически некому [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 1–10].

5. Государственный контроль за благонадежностью мусульманского духовенства

Следует отметить, что к мусульманскому духовенству предъявлялись достаточно высокие этические требования. Духовным лицом мог стать только человек благонадежный, а его добропорядочное поведение, как правило, подтверждала сама община. Органы полиции опрашивали прихожан и должностных лиц общественного самоуправления. Если выяснялось наличие судимости у кандидата, то в назначении на духовную должность ему отказывали. Немаловажным фактом было лояльное отношение кандидата к распоряжениям органов власти. Иногда противники специально могли опорочить кандидата в глазах административных органов [Денисов 2012а: 144]. К тому же в самих мусульманских приходах не было единства. Споры внутри самой общины очень часто затрудняли проведение выборов и оставляли приход без духовного лица. В Енисейской губернии, где наряду с приходскими проблемами стояли проблемы отстаивания права отдельных обществ, исповедующих ислам, вопрос о желании утвердить в должности духовного лица представителя своей общины стоял очень остро. Так зачастую на одну духовную должность могло претендовать сразу несколько кандидатов.

Прихожанами Енисейского молитвенного дома было подано прошение в Енисейское губернское правление, в котором указывалось на то, что Полицейским управлением данное распоряжение о назначении выборов имама их прихода основывается на прошении не всей общины. Прошение об избрании имамом крестьянина Нижегородской губернии А. Жедюханова губернское правление оставило без внимания. Объяснялся данный отказ тем, что за А. Жедюханова проголосовало только 12 человек. При этом все они были представителями Нижегородской губернии. Еще одним претендентом на данную должность выступил Н. Абдюкаев, называвший себя доверителем общества. Однако община настаивала на том, что он таковым не является. Доверенность ему была дана по ведению дел против покойного имама, поэтому на тот момент уже потеряла свою силу. Н. Абдюкаев в свою очередь просил губернские власти установить конкретные сроки выборов имама. На это представители мусульманской общины указали, что в данные сроки все они будут на золотых приисках. Сама община просила назначить выборы как можно скорее, чтобы все могли в них принять участие, а не только сторонники А. Жедюханова, которые будут присутствовать в г. Енисейске в назначенные даты. Большая часть мусульманской общины указывала, что она желает видеть постоянным имамом ныне исполняющего эту должность А. С. Тазитдинова [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 18–21].

По результатам проведенных выборов было принято решение об избрании на должность указного имама Енисейского молитвенного дома приписанного к Тобольской губернии А. К. Рахимова, о чем и сообщалось в Полицейское управление. После этого в Енисейское губернское правление последовало заявление от жителей общины, что они были против избрания данного человека имамом и хотели видеть в этой должности А. С. Тазитдинова, поэтому просили подписи в общественном приговоре считать недействительными [ГА КК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 309. Л. 27].

Енисейское окружное полицейское управление в рапорте губернскому правлению пояснило, что данная жалоба о нарушении процедуры выборов не обоснованная, так как списки прихожан оглашались мно-

го раз. Важно подчеркнуть, что большинство споров, возникавших вокруг назначения на духовные должности, было связано со сложностью самой процедуры выборов мусульманских священнослужителей. Основная масса конфликтов была связана с проблемой лоббирования интересов части общины при выборе духовного лица [Круз 2020: 129].

С целью урегулирования взаимоотношений внутри мусульманских общин, а также повышения нравственности как самого мусульманского духовенства, так и прихожан, Оренбургское магометанское духовное собрание предпринимало ряд мер по законодательному регулированию жизни общин. В конце XIX в. муфтий М. М. Султанов обратился к мусульманскому духовенству с предложением выслать образцы проповедей, чтобы их можно было оценить и издать — с целью поднятия нравственности среди части населения империи, исповедующей ислам [Загидуллин 2014: 88].

В мае 1892 г. был выпущен циркуляр Оренбургского магометанского духовного собрания «Разъяснение всем духовным лицам округа относительно ведения метрических книг и об обязанностях духовных лиц». Данный документ был составлен с целью разъяснения служебных обязанностей мусульманскому духовенству. Очень часто отмечалось, что муллы совершают правонарушения в силу своей неграмотности. Согласно изданному циркуляру, они должны были знать не только свои прямые обязанности, но и нормативные акты, на которые следовало опираться при ведении их профессиональной деятельности. В принятом циркуляре также оговаривалось, что нарушение установленных порядков повлечет за собой уголовную ответственность имама [Загидуллин 2021: 16]. Как правило, при нарушении обязанностей мусульманское духовенство подлежало взысканию со стороны духовного начальства. При совершении других преступлений мусульманское духовенство передавалось в ведение светского суда [Мавлютова 2018: 180].

Важным событием для приходского духовенства стало издание «Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.» (Уфа,

1902) на русском и татарском языках. Благодаря пометке, что сборник издан с разрешения МВД, он сыграл важную роль в отстаивании интересов мусульман, так как в действующем законодательстве отсутствовали точные регламентации жизнедеятельности исламских институтов. Этот сборник способствовал повышению правовой грамотности приходского духовенства и формировал правовую базу для решения возникавших дискуссионных вопросов с местной администрацией [Загидуллин 2014: 88–89].

Политические события, происходившие в стране в начале XX в., потребовали от правительства еще более пристального внимания к мусульманскому духовенству. 14 сентября 1906 г. вышел циркуляр МВД, согласно которому запрещалось занимать государственные должности лицам, принадлежавшим к каким-либо политическим организациям. Позже П. А. Столыпиным было разъяснено данное распоряжение и сделано уточнение, что оно касается также лиц мусульманского вероисповедания [Денисов 2012а: 145].

В 1911 г. МВД обязало региональные органы власти обратить особое внимание на непричастность лиц, утверждающихся в духовных должностях, к общественно-политическим движениям. Позже, 12 декабря 1912 г., циркуляром МВД запрещалось утверждать в духовных должностях лиц, получивших образование за границей, а также иностранных граждан, исповедующих ислам. Однако не все медресе Российской империи считались благонадежными. Следовало с особо пристальным вниманием относиться к выпускникам таких медресе, как «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге и «Галия» в Уфе [Денисов 2012а: 145].

В начале XX в., наряду с возрастанием политической активности как в целом в стране, так и в частности среди мусульманского населения, наблюдался рост численности последователей ислама в Сибири, в том числе в Енисейской губернии. При этом в данном случае это были преимущественно выходцы с территории Поволжья, которые также исполняли обязанности духовного лица и активно принимали участие в развитии системы образования на территории губернии [Ярков, Старостин 2021: 199].

6. Заключение

Несмотря на достаточно четко выстроенную ко второй половине XIX в. иерархическую структуру мусульманского духовенства, имперские власти не могли оказывать желаемого влияния на мусульманские общины. Особенно остро проблема формирования института мусульманского духовенства стояла в Сибири, в том числе в Енисейской губернии, так как изначально данный регион формировался за счет ссыльнокаторжного компонента, который был лишен избирательного права по законодательству Российской империи. К тому же к кандидатам на должности мусульманского духовенства предъявлялись требования благонадежности и отсутствия судимости, что не позволяло ссыльным формировать мусульманские приходы из своей среды. Лишь с появлением на территории губернии переселенцев духовная жизнь мусульман получила новый импульс развития. Однако сам процесс избрания духовного лица был весьма длительным и требовал единства всей общины, которое не всегда присутствова-

ло. Мусульмане Енисейской губернии, будучи выходцами из разных регионов страны, стремились к утверждению в духовной должности представителя именно своей общины. К тому же, поскольку мусульманское духовенство выполняло не только духовные обязанности, но и становилось связующим звеном между мусульманским приходом и органами государственной власти, каждая община видела в нем представителя, отстаивавшего именно их интересы перед государством. Органы государственной власти совместно с Оренбургским магометанским духовным собранием стремились к особенно тщательному контролю за назначением духовных лиц мусульманского вероисповедания. Особенно остро это стало ощущаться в начале XX в. В этот период вышел ряд циркулярных распоряжений МВД, согласно которым на мусульманские духовные должности допускались лица, не состоявшие ни в каких политических объединениях, имеющие российское подданство и получившие образование только на территории Российской империи.

Источники

ГА КК — Государственный архив Красноярского края.
РГИА — Российский государственный исторический архив.
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Литература

Бакиева 2011 — Бакиева Г. Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX – начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: мат-лы научного семинара, посвящ. 200-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (г. Казань, 18 декабря 2009 г.) / редкол.: И. К. Загидуллин (сост. и отв. ред.), Л. Ф. Байбулатова, Р. Р. Исхаков. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 12–27.
Дашковский, Шершнева 2020а — Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начала XX вв. // Былые годы. 2020. № 1. С. 250–257. DOI:

Sources

Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Historical Archive.
State Archive of Krasnoyarsk Krai.

10.13187/bg.2020.1.250

Дашковский, Шершнева 2020б — Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. 162 с.
Денисов 2012а — Денисов Д. Н. Требования к кандидатам на мусульманские духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (конец XVIII – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 5(141). С. 142–147.
Денисов 2012б — Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11(265). Вып. 50. С. 90–94.

- Загидуллин 2007 — *Загидуллин И. К.* Исламские институты Российской империи: Мечети европейской части России и Сибири. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. 416 с.
- Загидуллин 2014 — *Загидуллин И. К.* Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX – начале XX вв. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. 2014. № 4. С. 83–121.
- Загидуллин 2021 — *Загидуллин И. К.* Казый Р. Фахретдин и регламентация обязанностей приходского духовенства на рубеже XIX–XX вв. // Эхо веков. 2021. № 3. С. 15–23.
- Керимов 2010 — *Керимов Г. М.* История вероисповедной политики в России (исламский аспект) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28. № 2. С. 260–263.
- Круз 2020 — *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Мавлютова 2018 — *Мавлютова Г. Ш.* Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 175–183.
- Мавлютова 2021 — *Мавлютова Г. Ш.* Исламские культовые сооружения в Тобольской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4(55). С. 201–211.
- Махмутов 2021 — *Махмутов З. А.* Функции и некоторые результаты деятельности татарских мулл в Казахстане в трансформирующихся политических контекстах XVIII – середины XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 61–73.
- Павлинова, Старостин, Ярков 2018 — *Павлинова А. Н., Старостин А. П., Ярков А. П.* Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань: Казанск. ун-т, 2018. 492 с.
- ПСЗ РИ 1876 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XLIX. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1876. 948 с.
- Сафонов 2006 — *Сафонов А. А.* Регулирование деятельности инословных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. Т. 12. № 5. С. 32–35.
- Свод законов 1912 — Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. 178 с.
- Старостин, Павлинова 2016 — *Старостин А. Н., Павлинова Р. Н.* Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX века: попытка социо-исторического анализа // Ислам в Сибири: вызовы времени: сб. докладов Междунар. науч. конф. (г. Омск, 12–13 мая 2016 г.) / редкол.: Л. М. Дмитриева (отв. ред.) и др. Омск: ОмГТУ, 2016. С. 63–69.
- Старостин, Ярков 2020 — *Старостин А. Н., Ярков А. П.* «Бродячие» муллы в Сибири и на Дальнем Востоке в аспекте взаимоотношений государства, уммы и ее лидеров // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 2. С. 13–17.
- Усманова, Михайлов 2014 — *Усманова Д. М., Михайлов А. Ю.* Ислам и православие в поздней имперской России: институты и социально-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань: Яз, 2014. 188 с.
- Христианское просвещение 2012 — Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX в.: сб. мат-лов и док-тов / сост. Р. Р. Исхаков. Казань: Ихлас, 2012. 412 с.
- Юнусова 2011 — *Юнусова А. Б.* Мусульманское самоуправление в России // Россия и мусульманский мир. 2011. № 8. С. 28–34.
- Ярков, Старостин 2021 — *Ярков А. П., Старостин А. Н.* Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Тюменск. гос. ун-т, 2021. 300 с.

References

- Bakieva G. T. Muslim clergy of Siberian Tatars, nineteenth – early twentieth centuries. In: Zagidullin I. K. (comp., ed.) Orenburg Mohammedan Assembly and Spiritual Development of the Tatar People, 1770s – 1900s. Jubilee seminar proceedings (Kazan, 18 December 2009). L. Baybulatova, R. Iskhakov (eds.). Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Academy of Sciences), 2011. Pp. 12–27. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. 49. Pt. 1. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancellery (Second Section), 1876. 948 p. (In Russ.)
- Consolidated Laws of the Russian Empire. Vol. 11. Pt. 1. St. Petersburg: Deyatel, 1912. 178 p. (In Russ.)

- Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2020. 408 p. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Islam and Empire: Muslim Communities of Western Siberia and Official Religious Policies, mid-nineteenth to early twentieth centuries. Barnaul: Altai State University, 2020. 162 p. (In Russ.)
- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organization of the spiritual life of the Muslim population of the Yenisei province in the context of state-confessional policy of the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2020. No. 1. Pp. 250–257. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2020.1.250
- Denisov D. N. Implementation of certain state powers by Muslim clergy in the county of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012. No. 11(265). History 50. Pp. 90–94. (In Russ.)
- Denisov D. N. Orenburg [County] Mohammedan Assembly, late eighteenth to early twentieth centuries: Person specifications for Muslim clerical positions. *Vestnik of Orenburg State University*. 2012. No. 5(141). Pp. 142–147. (In Russ.)
- Iskhakov R. R. (comp.) Christian Enlightenment and Religious Movements (Reislamization) among Tatar Christians, Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Collected Materials and Documents. Kazan: Ikhlas, 2012. 412 p. (In Russ.)
- Kerimov G. M. History of religious policies in Russia: The Islamic aspect. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010. Vol. 28. No. 2. Pp. 260–263. (In Russ.)
- Makhmutov Z. A. The roles and activities of Tatar mullahs in Kazakhstan, 18th to mid-21st century. *RUDN Journal of Russian History*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 61–73. (In Russ.)
- Mavlyutova G. Sh. Islamic religious buildings in the Tobolsk Province in the late 18th — early 20th century. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2021. No. 4(55). Pp. 201–211. (In Russ.)
- Mavlyutova G. Sh. Legal status of Muslim clergy in the Tobolsk Province at the end of 18th — beginning of the 20th century. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2018. No. 4(43). Pp. 175–183. (In Russ.)
- Pavlinova A. N., Starostin A. P., Yarkov A. P. Muslim Communities of Asiatic Imperial Russia, Mid-Nineteenth – Early Twentieth Centuries: Analyzing Registers of Orenburg Mohammedan Assembly. Kazan: Kazan Federal University, 2018. 492 p. (In Russ.)
- Safonov A. A. Ministry of Internal Affairs: Regulating activities of non-Orthodox denominations and non-Christian faiths. *Vestnik of Kostroma State University*. 2006. Vol. 12. No. 5. Pp. 32–35. (In Russ.)
- Starostin A. N., Pavlinova R. N. Mosques and imams of Russia's Eastern Siberia and Far East, late nineteenth – early twentieth centuries: A sociohistorical analysis. In: Dmitrieva L. M. (ed.) *Islam in Siberia: Challenges of Time*. Conference proceedings (Omsk, 12-13 May 2016). Omsk: Omsk State Technical University, 2016. Pp. 63–69. (In Russ.)
- Starostin A. N., Yarkov A. P. “Wandering” mullahs in Siberia and the Far East in the aspect of the relationship between the state, the Ummah and its leaders. *Bulletin of Social Sciences and Humanities*. 2020. Vol. 1. No. 2. Pp. 13–17. (In Russ.)
- Usmanova D. M., Mikhaylov A. Yu. Islam and Orthodox Christianity in Late Imperial Russia: Institutions and Sociolegal Status (The Case of Volga-Ural Region). Kazan: Yaz, 2014. 188 p. (In Russ.)
- Yarkov A. P., Starostin A. N. Islam from the Urals to Kamchatka: A Panorama of Centuries. Tyumen: Tyumen State University, 2021. 300 p. (In Russ.)
- Yunusova A. B. Muslim self-governance in Russia. *Russia and the Moslem World*. 2011. No. 8. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Zagidullin I. K. Activities of the Orenburg Mohammedan Spiritual Meeting for reforming of management by spiritual affairs of Muslims at the end of XIX – the beginning of the XX centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2014. No. 4. Pp. 83–121. (In Russ.)
- Zagidullin I. K. Islamic Institutes of the Russian Empire: Mosques of European Russia and Siberia. Kazan: Tatarstan Book Publ., 2007. 416 p. (In Russ.)
- Zagidullin I. K., Kazy R. Fakhreddin and the regulation of duties in the prayer congregation at the turn of the 19th–20th centuries. *Gasyrlar avazy - Eho vekov (Echo of Centuries)*. 2021. No. 3. Pp. 15–23. (In Russ.)

